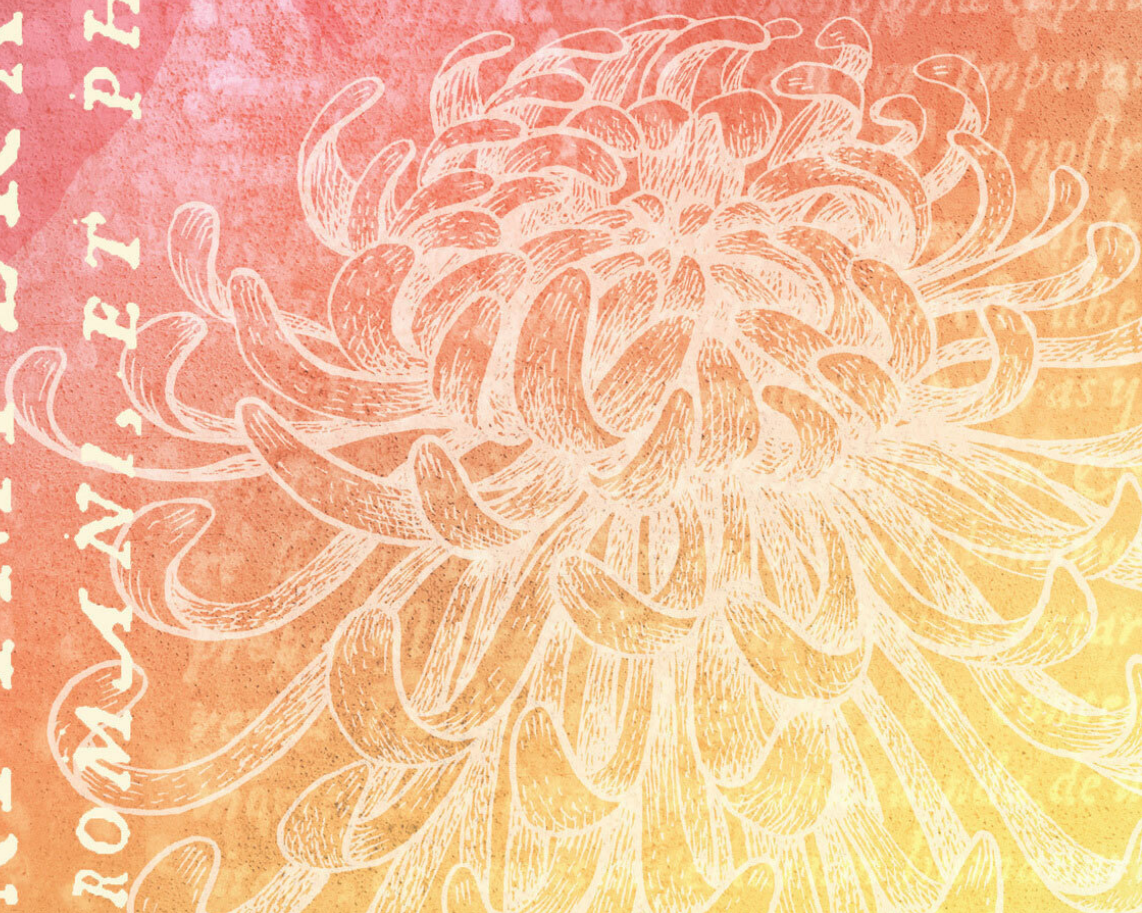

ИРВИН ЯЛОМ

ВСЕ МЫ

ТВОРЕНИЯ НА ДЕНЬ

M. ANTONI
NI IMPERATORIS
ROMANI, ET PHILOSOPHI

Ирвин Ялом. Легендарные книги

Ирвин Дэвид Ялом

Все мы творения на день

«ЭКСМО»

2015

УДК 159.9
ББК 88.52

Ялом И.

Все мы творения на день / И. Ялом — «Эксмо», 2015 — (Ирвин Ялом. Легендарные книги)

ISBN 978-5-04-245116-4

Человеку свойственно бояться смерти. Каждый порой ловит себя на мысли, что когда-то наступит конец его жизненного пути. Никто не знает, когда это случится, при каких обстоятельствах и что будет дальше. Это пугает, заставляет задуматься о настоящем, стремиться к своим целям. Но ведь страх все равно никуда не девается... Принять тот факт, что человеческая жизнь конечна, многим бывает сложно. Американский психолог и психотерапевт Ирвин Ялом неоднократно сталкивался с этим в своей практике, что и легло в основу книги «Все мы творения на день». Профессор, основываясь на реальных историях своих пациентов, доносит читателю мысль о том, что конечность жизни — это не плохо. Ее нужно осознавать и принимать как есть. Автор учит читателя, как жить в удовольствие, брать от жизни больше и относиться к смерти осмысленно.

УДК 159.9
ББК 88.52

ISBN 978-5-04-245116-4

© Ялом И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирвин Ялом

Все мы творения на день

Irvin D. Yalom

CREATURES OF A DAY and Other Tales

Copyright © Irvin D. Yalom, Dr, 2015. First published by Basic Books, A Member of the Perseus Books Group.

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Agency

© Перова Е., перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

И Р В И Н
ЯЛОМ

И Р В И Н
ЯЛОМ

**ВСЕ МЫ
ТВОРЕНИЯ НА ДЕНЬ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

Посвящается Мэрилин, моей жене. Мы вместе шестьдесят лет, и мне все еще мало

Все мы творения на день: и кто помнит, и кого помнят. Все эфемерно – и память, и воспоминания. Неизбежен тот час, когда ты все

забудешь; и неизбежен час, когда забудут тебя. Всегда помни, что скоро станешь никем и нигде.

Марк Аврелий. Размышления

Глава 1

Терапевтический зигзаг

Доктор Ялом, я бы хотел прийти к вам на консультацию. Я прочитал ваш роман «Когда Нищие плакал» и подумал, вдруг вы не откажетесь встретиться с коллегой-писателем, переживающим творческий ступор.
Пол Эндрюс

Этим письмом, пришедшим на электронную почту, Пол Эндрюс явно стремился разбудить мое любопытство. Надо признать, это ему удалось: я бы никогда не отказал коллеге-писателю. Что касается творческого ступора, мне посчастливилось никогда не встречаться с этим явлением, и я бы полон решимости помочь Полу в его проблеме.

Десять дней спустя он явился на сессию. Я был поражен его внешним видом. Почему-то я ожидал увидеть человека средних лет, изнуренного душевными переживаниями, но полного страсти к жизни. Однако в мой кабинет вошел седой старик, скрюченный так, будто он разглядывает что-то на полу. Глядя, как Пол Эндрюс медленно, дюйм за дюймом, преодолевает путь до кресла, я задумался: чего ему стоило добраться до моего офиса, расположенного в самой верхней точке Рашн-Хилл¹. Мне показалось, что я явственно слышу, как скрипят его суставы.

Взяв из рук Пола тяжелый потертый портфель, я помог ему сесть.

– Благодарю, благодарю вас, молодой человек. И сколько же вам лет?

– Восемьдесят, – ответил я.

– Ах-ах, где мои восемьдесят?

– Сколько же лет вам?

– Восемьдесят четыре. Да-да, восемьдесят четыре. Вы, должно быть, поражены? Большинство людей считает, что мне не больше сорока.

Наши взгляды встретились, и я был очарован искорками озорства в его глазах и мелькнувшей улыбкой. Молча мы смотрели друг на друга, и мне показалось, что мы нежмися в теплых лучах старой дружбы – как два путешественника, плывущих на одном корабле и одной холодной туманной ночью в разговоре на палубе выяснивших, что выросли по соседству. Мы мгновенно узнали друг друга: наши родители переживали Великую депрессию, мы следили за легендарными дуэлями между Ди Маджо и Тедом Уильямсом², помнили масло и бензин по карточкам, День Победы в Европе, «Гроздь гнева» Стейнбека и «Стадс Лониган» Фаррелла.

Слова были излишни; между нами чувствовалось столько общего, что наш контакт не вызывал сомнений. Пора было переходить к работе.

– Итак, Пол, если позволите обращаться к вам по имени...

– Разумеется, – кивнул он.

– Я знаю о вас лишь то, что вы сообщили в своем кратком письме. Вы написали, что мы с вами собратья по перу, вы прочитали мой роман о Нище и у вас творческий ступор.

– Да, и я прошу об одной-единственной консультации. Я ограничен в средствах и не могу позволить себе больше.

– Постараюсь сделать все возможное. Давайте же приступим и будем максимально эффективны. Расскажите все, что мне следует знать о вашем ступоре.

– Я расскажу немного о себе, если вы не против, – начал Пол.

– Отлично, – кивнул я.

¹ Район в Сан-Франциско, Калифорния. – Здесь и далее: Прим. перев.

² Выдающиеся американские игроки в бейсбол.

– Придется вернуться во времена моего студенчества. На последнем курсе Принстона я изучал философию и работал над диссертацией о несовместимости представлений Ницше о детерминизме и его восхваления идеи самопреобразования. Но я не мог закончить работу. Меня постоянно отвлекали интереснейшие письма Ницше, особенно адресованные его друзьям и собратьям-писателям – таким как Стриндберг. Постепенно я утратил интерес к философии Ницше и стал больше ценить его как художника. Я начал относиться к нему как к поэту с самым мощным голосом в истории человечества, голосом настолько величественным, что он затмил его идеи. И вскоре мне не оставалось ничего другого, кроме как сменить факультет и продолжить писать диссертацию уже по литературе. Шли годы, мое исследование продвигалось, но я попросту не мог ничего написать. В конце концов я пришел к выводу, что художника можно показать только художественным методом, и оставил идею о диссертации, решив вместо этого написать о Ницше роман. Однако творческий ступор не удалось обмануть сменой тактики. Он стоял намертво, как гранитная скала. Так и стоит по сей день.

Я был поражен. Полу восемьдесят четыре года. Работу над диссертацией он начал лет в двадцать пять, шестьдесят лет назад. Мне попадались вечные студенты, но шестьдесят лет?! Поставить жизнь на паузу длиной в шестьдесят лет? Нет-нет, не может быть!

– Пол, расскажите мне, что происходило в вашей жизни после колледжа.

– Рассказывать особо нечего. Разумеется, в Принстоне в конце концов решили, что я у них засиделся, и выгнали меня. Но страсть к чтению была у меня в крови, я не мог жить без книг, поэтому устроился на работу в университетскую библиотеку. Там и проработал до пенсии, безуспешно пытаясь начать писать. Вот и вся моя жизнь, прибавить больше нечего.

– Расскажите еще. У вас есть семья? Значимые люди?

На лице Пола промелькнуло нетерпение.

– Ни братьев, ни сестер. – Он произнес это так поспешно, будто выплюнул эти слова. – Дважды женат, дважды разведен. К счастью, оба брака недолгие. И без детей, слава богу.

«Странное дело, – подумал я. – Пол, поначалу казавшийся общительным и открытым, словно старается дать мне как можно меньше информации. Что ж такое?»

Я настойчиво продолжил:

– Вы собирались написать роман о Ницше и в своем имейле упомянули, что читали мою книгу «Когда Ницше плакал». Можете рассказать об этом побольше?

– Я не понимаю ваш вопрос.

– Какие чувства вызвала у вас моя книга?

– Поначалу сюжет буксовал, но постепенно дело пошло лучше. Несмотря на высокопарный язык и вычурные, неправдоподобные диалоги, это было в целом небезынтересное чтение.

– Нет-нет, меня интересует ваша реакция на книгу с учетом того, что вы сами хотели написать роман о Ницше. Эта ситуация должна была вызвать какие-то чувства.

Пол потряс головой, будто отмахиваясь от бессмысленного вопроса. Не понимая, что делать, я продолжал спрашивать:

– Расскажите, как вы решили обратиться ко мне? Причиной стал мой роман?

– Ну, какова бы ни была причина, сейчас мы здесь.

С каждой минутой все страннее. Но если я хочу, чтобы наша консультация помогла Полу, мне надо больше узнать о нем. Я решил прибегнуть к старому доброму вопросу, который всегда приносил информацию.

– Мне нужно побольше узнать о вас, Пол. Думаю, нашей сегодняшней работе пойдет на пользу, если вы расскажете, как проходит ваш обычный день, точнее, сутки. Как можно более подробно. Выберите какой-нибудь день этой недели, и давайте начнем с вашего пробуждения.

Я почти всегда задаю этот вопрос на сессии, поскольку он позволяет получить бесценные сведения о множестве сфер жизни пациента – о том, как он спит, ест, что ему снится, но больше всего я хочу узнать, какие люди «населяют» жизнь пациента.

Но Пол не разделял мой исследовательский энтузиазм. Он снова слегка потряс головой, будто отгоняя мой вопрос подальше:

– У нас есть темы поважнее. Много лет я переписывался с руководителем диссертации, профессором Клодом Мюллером. Вы знакомы с его работами?

– Я читал биографию Ницше его авторства. Замечательная книга.

– Хорошо. Очень хорошо! Я весьма рад услышать ваше мнение, – живо откликнулся Пол, открывая свой портфель и вынимая увесистую папку-скоросшиватель. – Вот, я прихватил тут подшивку писем и хотел бы, чтобы вы их прочли.

– Когда? Прямо сейчас?!

– Да, это самое важное, чем мы можем заняться на консультации.

Я посмотрел на часы.

– Но ведь у нас всего одна сессия. Чтение займет час, а то и два, и было бы куда полезнее, если бы мы...

– Доктор Ялом, поверьте, я знаю, о чем прошу. Начинайте читать. Пожалуйста.

Я был в крайнем замешательстве. Что же делать? Пол абсолютно убежден в своей правоте. Я напомнил ему о временных ограничениях, он ясно осознает, что у него есть одна-единственная сессия. Может, Пол в самом деле понимает, что делает? Возможно, он считает, что эта переписка даст мне всю необходимую информацию о нем? Да-да, наверняка так оно и есть.

– Пол, вы имеете в виду, что эта переписка расскажет мне о вас все, что нужно?

– Если вам необходимо так думать, чтобы начать читать, ответ: да.

Давно я не оказывался в такой необычной ситуации. Разговор по душам – моя профессия, привычная территория, где я всегда чувствую себя комфортно. Но в этом диалоге все шло не так. Может, мне стоит просто отдаться потоку? В конце концов, этот час принадлежит Полу, он оплатил его.

Ощущая некоторое головокружение, я решил подчиниться и протянул руку за подшивкой писем.

Передавая мне тяжелую папку, Пол сообщил, что их переписка с профессором Мюллером продолжалась сорок пять лет и оборвалась со смертью профессора в 2002 году. Я начал листать страницы, пытаясь понять, с чем мне предстоит иметь дело. Было заметно, что подшивку делали с большой заботой. Похоже, что Пол сберег, пронумеровал и проставил даты на всех письмах, которыми обменялся с профессором, будь то короткая записка о чем-то мимолетном или пространные рассуждения на нескольких страницах. Письма Мюллера заканчивались его небольшой, изящной подписью, в то время как письма Пола – как ранние, написанные под копирку, так и более поздние ксерокопии – были подписаны простой буквой «П».

– Пожалуйста, начинайте, – кивнул мне Пол.

Я прочитал первые несколько писем и убедился, что переписка увлекательна и чрезвычайно учтивая. Было очевидно, что профессор Мюллер глубоко уважает Пола и в то же время не одобряет его восторг от словесных игр. В самом первом письме он отмечал: «Вижу, что вы влюблены в слова, мистер Эндрюс. Вам нравится вальсировать с ними. Но слова – это просто знаки, мелодию же создают идеи. Именно *идеи*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.